

ФИО информанта: Малахов Давид Александрович
Дата рождения информанта: 1965 г.
Место рождения: Красногвардейский р-н, АР Крым
С какого времени в Крыму: с рождения
Адрес: с. Петровка Красногвардейского района

Дата и место записи интервью: 09.08.2005 г., с. Петровка
Интервьюеры: Евгения Косьяненко, Тамара Жук

МДА: Малахов Давид Александрович

Соб. 1: Евгения Косьяненко

Соб. 2: Тамара Жук

МДА: ... а похоронили ее в «Восходе». Вот, село Восход есть, там было, это ж еврейский колхоз был. И... там – еврейское кладбище. Там прямо вот, как говорится, отделение – и одни евреи похоронены. И... но как...

Соб. 1: А туда хоронили еще кого-то, или чисто вот одни евреи?

МДА: Нет, сейчас уже хоронят всех.

Соб. 1: Нет, а тогда?

Соб.: 2: А тогда?

МДА: А вот я смотрю, что именно вот это время... Но я ж вам говорю – мне было три года. Это сейчас я работаю в «Восходе» – иногда заезжаю, ну, как говорится, посмотреть там, как говорится, все равно они – мои предки.

Соб. 2: Ну конечно.

МДА: Так, ну как, смотрю – одни еврейские фамилии. Одни, вот часть – с начала кладбища. А туда уже дальше – туда уже идут и евреи, и русские, и... там детское кладбище есть. Ну, как я помню там, я знаю. Я помню только, как машина и... особо так не помню. Но она похоронена - памятник у нее сделан еврейский... моим, это, образом там...

Соб. 1: А как он выглядит?

Соб. 2: А как - еврейский?

МДА: Как он выглядит? Ну, плита, и, как говорится, камень вот так вот сделан. И здесь шестиконечная звезда, и написано на иврите и... Нет, у прадеда – на иврите написано, а у него - по-русски. Но она уже стерлась – уже сколько лет прошло, Господи! Родственников никого нет уже здесь. Все уехали, а мне следить за ними некогда. У меня здесь у самого бабушка лежит, и отец у меня лежит уже же тридцать лет – в том году исполнилось. Так что... Иной раз и к ним некогда зайти, понимаете? Так что...

Соб. 1: Понятно. А вот Вы помните, когда ее хоронили – гроб был? Или как-то по-другому?

МДА: Не помню. Не помню. Этого я не могу сказать. Я знаю, что, что-то на машину положили, провели чуть-чуть, на машину положили, закрыли и поехали. Нельзя ж до «Восхода» катить...

Соб. 2: А все провожали? Мужчины и женщины? Не помните?

МДА: Да. Да. У нас нет такого, вот как у мусульман, что, допустим, мужчины идут, а женщины остаются. А у нас все ходили.

Соб. 1: А скажите, а потом вот поминки были?

МДА: У евреев нет поминков.

Соб. 1: А почему?

МДА: Я не знаю.

Соб.1: Может, с этим связана какая-то история, или как-то объясняется это вообще?

МДА: Я не знаю... Я знаю то, что когда умерла моя бабушка, она, она... вернее, как – она тринадцать лет лежала парализованная. Чуть-чуть ей не хватило с октября месяца, до февраля ей не хватило, ну вот, несколько месяцев до тринадцати лет. И она всегда говорила, ну, когда она пришла уже в сознание, все, после инсульта, она говорила, что «мы живем среди русских, – матери - и когда я умру, ты меня похорони по русскому обычаю. Ну, это, чтобы были мне поминки, как говорится. Сделай мне девять дней, сорок дней. И все. А плачь за мной только один день. Больше не плачь». Так она сказала. Ну, мать и говорит, хотя ее сестры начали шипеть, когда она собиралась это делать: «Что ты, значит, делаешь? Ты нарушаешь?». Она говорит: «Ну, она меня просила, и я ей делаю так, как она меня просила». Все. Ну, я знаю, что, что не принято делать, вот это вот, ну... Просто можно помолиться, там что-то, я знаю, в синагогу сходить там, поставить что-то, как оно называется – даже не знаю. Как молитву должен, типа, раввин прочитать молитву за упокой в день смерти. Ну, а чтобы было такое, как поминки, такого, такого у нас нет.

Соб. 1: Застолья? Ничего такого, да?

МДА: Нет. Это уже просто глядя уже, как делают христиане уже. Вот она, к примеру, хотела такое сделать. Ну, мать ей сделала, хотел человек – сделаем. При жизни она завещает так сделать, так конечно, кто ж, кто откажет? Обычно все у нас, ну как, делается так ср... как, так же как среди кого живешь, так и делается оно все. Живем, живем среди христиан – мы делаем все по-христиански. Ну, все равно придерживаемся каких-то законов. Вот казалось бы... Казалось бы, вот еврейская Пасха, она всегда бывает за неделю там или, сейчас, ну, за неделю до русской, к примеру. Все это знают, но, вот я смотрю... Ну почему они знают, и почему вот они на еврейскую Пасху, к примеру, они все работают. Почему я тогда должен не работать на русскую Пасху? Я так вот себе думал, задумывался. Ну, что-то мне раньше такие мысли были, а потом думаю, та оно ж видно. Оно было испокон веку так, ну... любовь такая, как говорится, в кавычках, к евреям. Так оно и есть по сей день.

Соб. 1: А Вы работаете на русскую Пасху?

МДА: На русскую, да. Работаю. Я ж говорю, я стараюсь не упустить ни одного момента, ну, светлого дня то есть, что б вот... Ну, нельзя, что бы я не работал. Я даже до обеда на еврейскую Пасху не работаю, после обеда я уже работаю. Все равно.

Соб. 2: А вот Ваши бабушка и дедушка, они как-то придерживались праздников, работали в субботу?

МДА: Вы знаете, дело в том, что дедушку... дедушка у меня погиб на фронте и я его не знаю. С 44-го года числится пропавшим без вести. И в книге Памяти записан. А бабушка... А бабушка что, бабушка была моя простая труженица - колхозница. Она знала - брат больше лопатой, кидать дальше, пока оно летит - она отдыхала. Это было все, за что она и получила - тринадцать лет лежала парализованной. Ну, от тяжелого труда.

Соб. 1: Да, понятно.

МДА: Еще были отцовские родители. Тоже они, ну они тоже чистокровные евреи, ну я с ними не поддерживаю никакого отношения. Такие. Они жили далеко, отца уже тридцать лет нет. Они уехали в Израиль, и уже дед умер, бабка жива, я с ней не поддерживаю ничего... Вот так.

Соб. 2: А как Вы относитесь к не евреям? Были ли у Вас соседи не евреи? И как Вы вообще поддерживаете с ними какие-то отношения? Как к ним относитесь?

МДА: Я вот скажу, у меня жена - татарка. Казалось бы... ну, татарка это, как говорится, мусульмане.

Соб. 1: Ну да.

МДА: Они... вот как, как вот в Израиле арабы, они ж тоже, как говорится, исламисты. Как они настроены враждебно! Но, тем не менее я... у меня многие спрашивают: «Как ты с ней живешь?» Ну да, бывает иногда, скандалим, бывает там ... всякое бывает. Ну, а на нашей улице здесь вот, к примеру, вот одни, одни христиане, русские живут только. Ну...

Соб. 1: А как, вот, Ваша мама отнеслась к тому, что она не еврейка, скажем, а татарка? Не было с этим проблем?

МДА: Жена?

Соб. 1: Да. Ну, как вот, это ж все таки смешанный брак? Что она по этому поводу говорила?

МДА: Было, было. Ну... Не мама живет с ней, я живу с ней. Поэтому...

Соб. 1: Ну, а что она Вам говорила, как бы, почему нет?

МДА: Не знаю. Ну, как... Я... я вообще-то женат второй раз. Первая жена у меня была еврейка. Но мы с ней расстались только из-за того, что она хотела уехать в Израиль, а я не хотел.

Соб. 1: А почему?

МДА: Ну...

Соб. 1: Ведь многие стремятся.

МДА: Я был там, я видел это все. Ну не нравится мне жизнь!

Соб. 1: А чем, чем мне нравится?

МДА: Ну, понимаете, там, ну как сказать... Живешь только для того, чтобы, вот, деньги, деньги! Они постоянно в голове держат деньги. Они сидят, кушают, допустим, обедают, и они что-то, что-то себе уже в голове они считают. Считают что-то они вот... Ну, не нравится мне такая жизнь, понимаете? Там вот выходной вот – шаббат, суббота – вот он знает только спать, есть и опять спать, потому что он должен на неделю отдохнуть, чтоб опять потом вкалывать, чтоб потом опять зарабатывать, чтоб потом опять знать, куда надо заплатить то, куда заплатить это, и... Ну, не могу! Я – не могу так! Я вот знаю, здесь я отработаю, я получаю удовольствие от работы. А там... Эта умопомрачительная жара, семь месяцев которая, когда мозги плавятся от такой жары. Ну...

Соб. 1: А Вы когда там были - посещали какие-то, вот, религиозные места?

МДА: Да, а как же? Я был у Стены Пла... я в Иерусалим экскурсию взял, я... Стену Плача - это самое святое место для евреев, я был, это, у Гроба Господнего – это христианская... видел этот храм. Ну, потом, ну, мусульманские эти... ну, эти – арабские мечети, только можно было увидеть с горы – ее ж не пускают, нашим туда входа нет. Ну, так... Ну, конечно, посмотреть Израиль можно, как, как туристу, но жить... Даже не... то, что такие деньги там, как говорится, с минимум заработной платы четырнадцать... четыре доллара в час, и то меня это не привлекает. Не привлекает.

Соб. 1: А вообще, вот что Вы считаете своей родиной?

МДА: Я считаю здесь – где я родился, там я и считаю. Здесь мне...

Соб. 1: То есть там – уже не родина?

МДА: Не родина. Не родина. И у меня вот многие там, особенно грузинские эти, кавказские евреи, которые вот, дернули с Чечни, когда вот это началось, они начинают говорить, что вот это наша родина, и тут пятое – десятое, я говорю: «Закрой рот! Закрой рот...»

Соб. 1: А чем это они объясняют?

МДА: Ну, потому что вот нам дали здесь жизнь, нам... мы здесь живем спокойно, вот, у нас есть деньги, и ничего мы не боимся, и... Я говорю: «Закрой рот!». С пацанами там я работал, там... я, у них, довелось мне, привелось немножко подработать там, и вот они начинают там. Бывают, есть такие, которые здесь чего-то нашкодили, и быстренько укатили туда, потому что там, ну... Здесь у них, как говорится, кому-то что-то должны – они спрятались там. Я говорю: «Как можно жить, как говорится, взаперти? Ты понимаешь, ты уже никогда в Украину не въедешь! Потому что твой уже, твоя фамилия сидит в... занесена в компьютер, и только ты появишься в аэропорту – сразу тебя закроют!». Ну как можно так жить? «А я и не хочу!». Да ну как тебя может не тянуть туда, где ты родился, где ты вырос, где, где вырос и ты знаешь каждый куст, каждый... Ну, не знаю я, как так можно! Я лично не... Я человек свободный, я хочу... Куда хочу – туда и поеду. У меня сестра двоюродная – она тоже выехала в Израиль, еще в девяносто третьем

году, с мужем. Муж у нее тоже русский. Он тоже не еврей. Вывезла его. У них сын один был. И вот она, к примеру, она не захотела, я говорю... А, потом она стала на ноги там, она имела хорошую работу, муж имел хорошую – устроился, хоть он и русский, устроил... смог устроиться, хотя там отношение такое, что если не еврей, то... Вот допустим, вот, я знаю, один хлопец хотел поступить в авиационный военный институт там, ну, военным летчиком стать, а у него отец – русский, мать – еврейка. Хотя он по еврейским законам – он же еврей, но у него уже не чистая, не чистая кровь. Все. Уже военным его в такой вот не могут взять. Почему – потому что ему нет доверия. И поэтому вот... Ну, и она то... Ну, она как? Она стала на ноги, все, она была, занимала хороший пост, и была вторым человеком после директора завода – израильянина, на заводе. Крупный завод по изготовлению этих - мобильных телефонов. И... уехала в Канаду. Все бросила. Все... Ничего, ни на что не польстилась, что вот она бросает. И она там устроилась. Ну... А я говорю, я ей говорю: «Причина твоя? Почему ты уезжаешь?». Говорю: «У меня один...». Она говорит: «У меня один сын. Я его родила, я его вырастила. И, мол, туда – сюда, ему восемнадцать лет исполнится, и в армию идти. Зачем мне надо, чтоб его послали в какие-то боевые части, чтоб его где-то завали... убили, и потом его именем или фамилией назвали какую-нибудь там международную станцию? Я не хочу этого. Я благодарна Израилю, что он дал мне стал на ноги, я поеду туда. Там он уже в армию никогда не пойдет». И она живет вот уже два года там, очень счастлива, вот - дядька мне пишет. Прекрасно. Но я не хочу. Мне, я считаю, что... родина человека там, где он родился, где...

Соб. 2: Скажите, а вот Ваша жена – татарка, она придерживается каких-то своих обычаев, своих праздников?

МДА: Ну, тоже, как и я. Практически нет. Ну, может там по родственникам ходить, я не знаю, я не придерживаюсь и ихних праздников, она не придерживается моих, но мы, ну...

Соб. 2: Ну, а Вы видели, чтоб она вот именно свой какой-то праздник отмечала? Вот именно татарский?

МДА: Нет.

Соб. 2: Ни разу?

МДА: Нет. У них как принято? Я знаю, они ходят в гости там, поздравляют стариков каких-то там, я не знаю – я не вдавался.

Соб. 1: Но Вы не против, если, вот скажем, узнаете, вот...

МДА: Нет!

Соб. 1: ... она там отмечает?

МДА: Нет. Она... У каждого человека, я считаю, должно быть свободным вероисповедание. Что он хочет, то он может исповедовать, понимаете? Хочет она праздновать – пусть она празднует. Ну...

Соб. 1: А вот какое, по - Вашему, ну, представление о Боге? У нее как бы свой Бог, а у Вас – свой. Или Бог все-таки один? Как Вы считаете?

МДА: Бог, я считаю, что один. Я считаю, что Бог один.

Соб. 1: А как же тогда вот объяснить, чего все по разному-то?

МДА: Ну, а это уже... Бог, ну как? Бог – Он... я не знаю, ну как считается, я думаю, что человеку Он... вернее... существо, ну как? Его никто не видит. Его только чувствовать можно, я так думаю. А поэтому кто, как и... для всех Он один. Мало для того, что для кого-то есть, там, Бог, для кого-то – Аллах, там, я не понимаю этого, но я знаю, что Бог один. Вот так я думаю, вот это я... Мое мнение такое.

Соб. 1: А вот, если вот... А у Вас есть дети?

МДА: Да.

Соб. 1 : Вот. А Вы их как воспитываете? По каким традициям? По татарским или по... еврейским?

МДА: Нет. Никаких она традиций не придерживается. Никаких.

Соб. 1: Своих?

МДА: Ну вот как она живет среди христиан, так она и (*неразборчиво*)

Соб.2: А христианские праздники какие-то отмечаете? Или тоже нет?

МДА: Также нет. Мы, я всегда был приучен отмечать... Праздник был там – Новый год, первое мая, седьмое ноября, новый... ну, там восьмое марта. Вот это праздники...ну, октябрьской революции. Мама была коммунистом у меня, поэтому я...

Соб. 1: Советские только?

МДА: Да.

Соб. 2: А есть какой-то определенный день, в который Вы ходите на кладбище? Или нет?

МДА: Определенный день – да.

Соб.2: Какой?

МДА: Я хожу в судный день. Судный день, у нас принято, это – Йом-Кипур. Это по-еврейски «судный день», (*неразборчиво*)... вот. Наступает после... Когда как – когда в конце сентября, когда в октябре. Ну, и хожу когда... перед вот русской Пасхой тоже, убираю могилы, ну, чтоб не выглядеть белой вороной, там. Конечно хожу. А в этот день обязательно я хожу, потому что у нас принято так, чтоб мы ходили. Ну и жена. Ну, на день смерти, конечно, тоже хожу, когда вот отец погиб, бабушка умерла, там это и... у жены тоже мать лежит, но она не здесь – они в Некрасово живут. Родственники у нее там все лежат. Ну, ездим.

Соб.1: А она знает татарский?

МДА: Ну да, а как же!

Соб. 1: И со своими родственниками она на каком говорит языке?

МДА: И по-русски. Она плохо знает. Она ж (*неразборчиво*) со мной говорит по-русски.

Соб. 1: И дети уже говорят на каком?

МДА: А дети – только по-русски.

Соб. 1: Только по-русски.

МДА: Ну, ребенок один – дочка. Она только по-русски говорит.

Соб. 1: А, как бы, жена не хотела б научить ее своему языку?

МДА: Она сама не хочет. Вот, в школе был, допустим, открыт факультатив татарского языка – она ее спрашивает: «Ты пойдешь учить?». – «Нет». – «Почему?». – «Не хочу». Ну, не хочешь – не надо, ну кто ее заставит? С ней она тоже по-русски только общается.

Соб. 2: Скажите, а Ваша мама или какие-то родственники знали еврейский язык?

МДА: Мама – да. Понимаете, дело в том, что еврейский язык – он делится на иврит, на котором говорят в Израиле, древнееврейский язык, и язык, которому, на котором говорят, допустим, европейские евреи. Вот, евреи ж делятся еще не европейских, бухарских и кавказских. Вот, и этот... язык, он называется идиш, который... Она понимать – все понимает, говорить может только пять слов, к примеру я говорю, вот так...Бабушка свободно владела им. Я помню, когда приходили ее сестры, они постоянно... А я все время не понимал, что они говорили: «Говори по-русски! Я не понимаю!». Мать понимала, но говорить не могла. А я... Также знаю два слова – больше не знаю.

Соб. 1: А какие?

МДА: Ну, здрастьте, до свидания.

Соб. 2: А как это будет, скажите!

МДА: «Здрастьте» - *абигморген*, а «до свидания» - *загизын*. А дело в том, что он немного схожий с немецким. Знаете, вот, по-немецки как «доброе утро» - «гутен морген», а на идыш говорят... а... как «гут морген». Ну, немножко цифры я знаю – как то похоже, как-то там: айн, цвайн, драйн, только там идут какие-то другие окончания. Ну...

Соб. 1: А Вы вот помните на еврейском языке, может, какие-то названия?

МДА: В смысле, чего?

Соб. 1: Ну, вот скажем, названия... Ну вот, из интерьера квартиры, например, вот, какое-то название именно вот, что присуще именно еврейской культуре, как-то оно называется.

МДА: Нет, я ничего не знаю.

Соб. 1: Такого не помните, да уже?

Соб. 2: А где Вы раньше жили и как сюда приехали?

МДА: Я родился здесь.

Соб. 1: Именно в Красногвардейске? А как оно раньше, вот когда Вы родились, как оно называлось? Так и называлось?

МДА: Оно уже называлось Красногвардейским. Я знаю, что он назывался раньше Курман – по-татарски.

Соб. 1: А не знаете, что оно значит?

МДА: Курман? Нет, не знаю. Курман Кимильчи, я знаю. Ну, и сейчас обычно, как говорю? «Пошел в Курман», в этот, в поселок. «Пошел в Курман». Ну, Курман – Курман. Это по-татарски, я знаю.

Соб. 2: А Ваши родители как здесь оказались?

МДА: Ну мать тоже родилась, вот я ж говорю, в Знаменке – это восемь километров отсюда. Село Знаменка. А потом... ну это ж колхоз, она закончила техникум, потом институт, и работала здесь вот в школе воспитателем – здесь была интернат – школа, но то есть дети – сироты там, и... с близлежащих сел. Раньше вот эта школа, вот здесь большая – ее же не было. Только тридцать лет, как ее построили. А на Петровке была одна – единственная школа, и она там работала. А потом, когда выяснилось, что она не имеет... педагогического образования, то ей сказали, что: «Извините, нам придется расстаться с Вами». Ну...

Соб. 2: А какой это колхоз? Как он назывался раньше?

МДА: Колхоз «Дружба народов», он так и назывался. Он, по-моему, с самого образования, вот, Ерудин был его первый председатель, мамин дядька был его бухгалтером главным, Фурман, вот они вдвоем подняли весь колхоз. Конечно, сейчас уже не сравнить, что было раньше. Смотрите, какие дороги, какие вон... ужас, что! Здесь раньше, я помню, в детстве было сказка – все деревья побелены, все... ну... Сейчас никому ничего не надо. Вон, поломали, такие дома здесь были – вон, настроили вот это вон...

Соб. 2: Скажите, Вы сказали, что Ваша первая жена была еврейка.

МДА: Да.

Соб. 2: А у нее как бы родственники придерживались каких-то традиций?

МДА: Я с ней прожил очень мало, я с ней прожил всего полгода, поэтому я не знаю. Я не знаю. Она сразу уехала...

Соб. 2: То есть Ваша мама против ее как бы не была, да? А против этой татарки... была против?

МДА: Ну как? Она и против этой... не против. Ну, по началу она... препятствовала.

Соб. 1: Ну, а чем? Чем она объясняла?

МДА: Ну, она считала... она меня всегда воспитывала тем, что надо, как сказать... ну, что б смеси крови не было. Вот, ты чистокровный и тебе должно быть... твое потомство – тоже чистокровное.

Соб. 2: Почему?

МДА: Так она как-то...

Соб. 1: А чего в этом плохого?

МДА: Не знаю...

Соб. 1: Объясняла она?

МДА: Не говорила она ничего. Я ей сказал, что это мое личное дело, и как я его считаю нужным, так я и сделаю. Ну, потом оно... свыклась так.

Соб. 1: А вот прабабушка – они откуда Ваши?

МДА: ...Я не знаю. Я знаю, что дед, дед – он с Херсонской области.

Соб. 1: Ага, с Херсона.

МДА: С Херсона, да. Потому что... А, я не знаю - баба, баба тоже что - ли там была, я этого не знаю.

Соб. 1: Ну, то есть вот дедушка, бабушка – они уже не здесь родились...

МДА: Нет.

Соб.1: ... они приехали.

МДА: Они приехали. Я так думаю.

Соб. 2: А почему они переехали – тоже не знаете?

МДА: Также не знаю. Я... Кого это раньше интересовало? Приехали – приехали.

Соб. 1: Ну может условия там были хуже? Или, может, еще какая-то причина была?

МДА: Не знаю.

Соб. 1: Не знаете, да? А вот скажите, Вы не помните, когда вот еще был колхоз, вот мама Ваша – она ходила молиться куда-то?

МДА: Нет. Моя мама была коммунистом. Она и сейчас им осталась, и... она никогда раньше не ходила – сейчас она стала придерживаться. Также, она шаббат соблюдает, то есть субботу, она...

Соб. 1: А куда она ездит?

МДА: В Симферополь.

Соб. 1: В Симферополь, да?

МДА: Да. Там есть и, вот, синагоги сейчас, и не одна, а много. Ездила.

Соб. 1: А вот в то время, она, может, знает, были ли какие-то синагоги или молитвенные дома?

МДА: Был! Я знал, что был, и я ж даже был.

Соб. 1: А где он был?

МДА: На Краснознаменной.

Соб. 1: А как это... Ну, какое здание? Это была синагога или просто какой-то дом?

МДА: Просто, вот идет вот дома...

Соб. 1: Ага.

МДА: ...и... как говорится, я помню, хотел мацу, записаться на очередь, я представлял, что раз мацу - уже взрослый когда был, это вот уже... я уже учился в Симферополе - думаю, ишу: «Где ж здесь?», может, по запаху где-то определю, что она печется – значит, пекарня – должно пахнуть. Нет. Когда мне показали, где это находится – обыкновенное крыльцо такое, невзрачный домик, даже, даже вид серый он имеет, как все дома симферопольские, понимаете? И никакого особенного там нет. Чтобы вывеска какая-то была или что. Сейчас, конечно, сейчас вот на Пушкинской очень крупная синагога стоит, там и звезда Давида эта шестиконечная, и написано все о том... Сейчас все ж свободно. Как говорится, все открыто.

Соб. 2: Вы сказали, что внешне не отличалась, ну, а почему говорили, что это синагога?

МДА: Ну потому что знали местные там, кто живет! Я подошел и спросил, говорю: «Вы не знаете, куда евреи здесь ходят?». – «А вот сюда!». Я как раз рядом стоял и «Вот сюда!».

Соб. 2: А что они там делали?

МДА: Ну, там, там же молились, и мацу пекли там раньше. Сейчас уже не пекут – сейчас уже готовую привозят.

Соб. 2: А вот как они молились там, может, что-то помните?

МДА: Не знаю. Я не знаю.

Соб. 1: А Вы ни разу не присутствовали?... Ну... А внутри какое убранство было?

МДА: Там?

Соб. 1: Да, внутри. Ну, это ж было не пустое пространство? Или... что-то там стояло?

МДА: Ну да, там что-то было, лавочки какие-то я помню, какой-то... как, как трон, я его называл, там... там много этих икон висит, но молитвенников вот этих вот я, вот, не помню. Было так давно. В Израиле, конечно, плюнь – и в синагогу попадешь! Там на каждом... на каждой улице синагога есть.

Соб. 1: А Вы вот не помните: бабушка или бабушка – читали какие-то книги?

МДА: Только советские. Мне всегда баба говорила: «Я читать вообще не люблю, и с детства не любила. Я «Три мушкетера» читала одиннадцать месяцев. А «Войну и мир» так и не дочитала». Но она мне всегда говорила: «Как это так, чтобы в день не прочитать

одну страницу – я не понимаю!». Вот, потом ее, когда ее парализовало, вот: «Если б я могла сейчас читать, то для меня другого и не надо было бы. А то лежишь целый день, и даже почитать я не могу». Зрение у нее упало. А я никогда не любил читать.

Соб. 1: Понятно.

МДА: Телевизор, радио, вот это да. А читать – никогда. Мне просто времени никогда не было – я погулять в детстве, там, пошкодить чего-нибудь, куда-нибудь убежать. Так что...

Соб. 1: Понятно.

Соб. 2: Скажите, а вот как соседи, скажем, не евреи относятся к Вам, как Вы себя, вот, идентифицируете как еврея? Почему Вы считаете, что Вы чем-то отличаетесь от других?

МДА: Соседи я...я считаю... я считаю, особенно вот сейчас, что-то, я не знаю... Может быть, связано вот с постройкой забора моего?.. Но очень агрессивно настроены.

Соб. 1: Это они русские или кто они по национальности?

МДА: Русские, да.

Соб. 2: Ну, это связано с постройкой забора или с... как-то в плане национальных взаимоотношений?

МДА: Понимаете, забор, забор...

Соб. 1: Или забор – просто причина?

МДА: Нет, забор – это причин... я его построил только потому, что у меня уже не было сил терпеть, что они творили здесь.

Соб. 1: Что?

МДА: Ну что? Они учат детей своих, что надо в этот двор кидать камни, вот, ребенок выйдет – она никогда не могла выйти на эту сторону двора, она только могла пройти вот здесь и впереди, а здесь она уже не могла, потому что пацанва залазила на плиты и забрасывала камнями. Они со мной даже несколько раз, ну... дерзят, ну, обзывают, ну это я считаю - это все антисемитизм, это, Господи, я на это не обращал внимания. Я взял - построил этот забор. Ну, за этот забор подняли крик, там, суд был год. Год! Вот. Чуть-чуть не хватило. Ну, я выиграл, я доказал все, понимаете? Ну, вроде сейчас затихло. Но все равно, все равно...

Соб. 1: А раньше как было?

МДА: Раньше...

Соб. 1: Как с мамой, когда мама была молодая? В колхозе, например, отношение?

МДА: Не, она в колхозе не работала – на работала в... как сказать... она была агрономом, но (*неразборчиво*) сельского хозяйства района. Она была районным агрохимиком. Она ездила по всему району...

Соб. 1: Но все равно ж она сталкивалась с разными людьми.

МДА: Я не знаю, я... Ничего она никогда не говорила. Никакой вражды она во мне не сеяла никогда, то типа, что, вот, они – русские, ты – еврей, там, ну а... Ну, было, что она иногда говорила, вот когда я слышал, что... Ну, верней, обидят в школе, там, ну, приду ж, расскажу ей, а она объясняла: «Гусь свинье - не товарищ». Вот это из ее уст было. Все. А когда уже собрался жениться, она мне говорила: «Смотри, чтоб потом не будет, будет тебе со временем сказано: «Все хорошо, но жидом воняет!». Я говорю: «Ну ничего, - говорю, - это не тебе слышать, это мне слышать». Все, понимаете?

Соб. 1: Это она по поводу вот этой второй жены?

МДА: Да, по поводу второй жены. Я говорю: «Это мои проблемы».

Соб. 1: Понятно. Ой, спасибо Вам огромное! Нет, правда!

Соб. 2: Скажите, а как Вас зовут? Имя, отчество?

Соб. 1: Да, полное имя!

МДА: Полностью имя?

Соб. 1: Ну да.

МДА: Ну, вообще, я Дмитрий, а по паспорту – Давид. Малахов. Малахов Давид Александрович.

Соб. 2: А какого года рождения?

МДА: Шестьдесят пятого.

Соб. 1: Все.

Общая продолжительность интервью - 28 минут.